

НАРОДНЫЙ СУД В «ОСАХ» И ДРУГИХ КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА

Дается описание гелиэи — афинского суда присяжных: его состава, порядка работы, судебного инвентаря, некоторых характерных особенностей — на основании тех сведений, которые можно найти в пьесах афинского комедиографа Аристофана, в частности, в комедии «Осы». Центральная сцена пьесы — «собачий суд» — представляет собой пародию на заседание гелиэи. Делается вывод о том, что, хотя «Осы» и замечания об афинском суде и судьях в других комедиях Аристофана — карикатура, и местами весьма злая, комедиограф отобразил в своих сочинениях реально существующие черты как в облике и нравах гелиастов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, так и в афинском судопроизводстве в целом, имеющем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров. Древняя комедия благодаря своему политическому и злободневному характеру является превосходным источником по истории афинской демократии и ее институтов.

T. Kudriavtseva

PEOPLE'S COURT IN «WASPS» AND OTHER ARISTOPHANES'S COMEDIES

The description of heliaia — the Athenian people's court (its membership, function, procedure, technical equipment, characteristic features) is given. The evidence is inferred from the comedies of the Athenian playwright Aristophanes, particularly his «Wasps». The central scene of this play — causa canina (the dog's trial) — is a parody on the hearing of a case in the Athenian court. It is asserted that though «Wasps» and the remarks concerning the Athenian administration of justice in other comedies by Aristophanes are caricature and sometimes rather bitter, the comic poet represents the real features both in the nature and structure of the jurors enjoying their power and irresponsibility and in the Athenian courts which had an obvious inclination to accusatory verdicts. «Old Comedy» due to its political and topical substance is an excellent source of evidence for Athenian democracy and its institutions.

Все комедии Аристофана — прекрасный источник о быте, нравах, политической борьбе, интеллектуальных спорах в Афинском государстве конца V в. до н. э. Помимо этого, в них без труда прослеживается и собственная главная тема, исходящая из наболевших вопросов политической и общественной жизни Афин: проблемы войны и мира в «Ахарнянах» и «Мире»; софисты, Сократ и новомодное воспитание в «Облаках»; демос и безответственные демагоги во «Всадниках» и т. д. Представление этих сюжетов в комической форме гарантированно вызывало в аудитории и смех, и интерес, и сочувствие. В «Осах» (422 г. до н. э.) — одной из самых смешных комедий Аристофана — такой

главной темой является афинский народный суд — гелиэя¹.

Конечно, о суде есть много упоминаний и в других комедиях древнегреческого автора. Когда Стрепсиаду в «Облаках» ученик показывает на карте Афины, тот заявляет: «Пустяки, не верю я: присяжных здесь не видно заседателей»² (207–208). В «Птицах» два афинянина покидают город и ищут тихого пристанища подалеже от суеты, чтобы основать новый город, ибо: «Ведь только месяц или два кузнечики гудят в садах, но целый год афиняне галдят в судах, всю жизнь не зная устали» (39–40). Когда они встречают Удоду и тот узнает, что путники — из Афин, он восклицает: «Так вы судьи!» (109), — а узнав,

что — нет, удивленно спрашивает: «Разве сеется у вас такое семя?». И получает в ответ: «В селах, изредка» (111–112). В «Мире» Гермес заявляет, что афиняне ничего другого делать не умеют, как только судить (505). А вот «мечта народа», предстающая в посулах Клеона из «Всадников». Демагог утверждает, что Демосу суждено в пророчествах: «Стать в Аркадии дивной присяжным судьей, пять грошей всякий день получаю» (797–798).

Эти примеры, список которых можно продолжить, показывают, что Аристофан считал гелиэю важнейшим органом в политической системе Афин, в немалой степени олицетворяющую собой весь афинский демос. И у комедиографа были все основания для такого мнения: гелиэя не только разбирала судебные дела граждан и союзников, будучи судом последней и высшей инстанции. Она участвовала в докимасии (проверке) выбранных должностных лиц, выслушивала отчеты магистратов, слагающих с себя полномочия по истечении срока пребывания в должности. Внешняя политика Афинской архэ творилась также не без участия гелиэи: она участвовала в ратификации некоторых договоров, ей принадлежал решающий голос при раскладе форося с союзников, она же рассматривала их жалобы. Благодаря процедуре *γυραφή παρανόμων* — жалобе на противозаконие — гелиэя стояла на страже конституционного строя и в какой-то степени являлась высшей инстанцией по отношению к народному собранию, ибо в народном суде могло быть оспорено любое постановление (псефизма) или закон, принятые эkkлeсией. Суд занимал важное место и в частной жизни афинских граждан: страсть к сутяжничеству была у них в крови, и гелиэя превратилась в одно из главных народных развлечений. Надо также учесть, что гелиэя была самым массо-

вым народным органом (ежегодно в нее выбиралось 6 тыс. судей), и многие афиняне имели при желании все возможности исполнять обязанности народного судьи. Особенно это касалось представителей последнего имущественного класса — фетов, которые могли прельститься судебским заработком в три обола в день, чем легко могли побрезговать граждане более состоятельные.

Ситуация с нашими источниками по истории народного суда в Афинах в V в. до н. э. такова, что Аристофан — едва ли не единственный автор, который достаточно подробно, хотя и в комической форме, описал и порядок работы гелиэи, её состав, судебный инвентарь, и облик гелиаста, и непосредственно сам ход судебного заседания. Другие авторы V в. до н. э., чьи произведения до нас дошли: историки — Геродот и Фукидид, сочинитель памфлета «Афинская полития», известный под именем Псевдоксенофонта, или Старого Олигарха, — либо ограничились краткими замечаниями о некоторых громких судебных процессах V в. (Мильтиада, Фемистокла, дело «осквернителей герм» и т. п.), не вникая ни в какие юридические детали, проливающие свет на работу народного суда (Геродот, Фукидид), либо обошлись эмоциональными восклицаниями о глупости, жадности, своекорыстности и произволе заседающих в судах дикастов (Псевдоксенофонт). Начиная с самого конца V в. до н. э. и далее для всего IV в. мы имеем такой первоклассный источник по народному суду, как судебные речи афинских ораторов (Лисия, Исея, Демосфена, Эсхина, Гиперида, Ликурга, Динарха), и скрупулезнейшее описание деятельности гелиэи в последних главах «Афинской политии» Аристотеля, однако далеко не все эти сведения могут быть применимы к дикастериям V в. до н. э., — ведь несколько раз

на протяжении IV в. имели место реформы судопроизводства в Афинах. Несомненно, перед нами встает проблема, насколько адекватно действительности аристофановское изображение гелизи и может ли историк использовать его в качестве исторического источника, но об этом мы поговорим позже.

Мы сочли необходимым кратко остановиться на содержании комедии Аристофана «Осы», ибо некоторые его детали играют первостепенную роль в нашей исторической реконструкции.

Главными действующими лицами комедии являются старик Филоклеон (его имя означает «Клеонолюб»³, в переводе Пиотровского — Клеонослав), его сын Бделиклеон (буквально «Тот, кого тошнит от Клеона», варианты в русских переводах — Мстиклеон⁴, Клеонагрыз⁵) и, конечно, хор ос, т. е. судей. В соответствии с греческой практикой Филоклеон передал управление семейной собственностью сыну, который теперь несет ответственность за содержание отца. Ответственность эта лежит на нем тяжким бременем, ибо Филоклеон страдает от особого рода помешательства: у него всепожирающая страсть к сутяжничеству — днем и ночью он рвется исполнять обязанности судьи. Сын, опечаленный болезнью отца, сначала пытался уговорить его по-доброму, пробует лечить, наконец, отчаявшись, запирает в доме. Ночью являются приятели Филоклеона — такие же старики-судьи, одолеваемые такой же страстью к сутяжничеству. Это хор, одетый осами, с посохами-жалами. «Осы» побуждают Филоклеона, спускающегося по веревке с крыши, присоединиться к ним (366–395). Бделиклеон просыпается, тащит отца обратно; он пытается отогнать «ос» и берется доказать им свою правоту. Бделиклеон и Филоклеон устраивают меж собой агон (состязание) — это одна из ключевых сцен пьесы.

Первым произносит речь Филоклеон. Главная мысль, которую он проводит в ней: «*Кто блаженней, скажи, и счастливее кто, кто грозней из живущих на свете, и взлелеянной кто, чем присяжный судья*» (550). Все ему угождают, просители (ответчики) развлекают, демагоги ему льстят (560–597). Но приятнее всего получать плату (в три обола) (605–618). Вывод, к которому приходит в конце своей речи Филоклеон: власть судей такая же, как у Зевса; все ее боятся, в том числе и Бделиклеон (620–630).

Бделиклеон признает весомость аргументов отца. Задача перед ним стоит посему нелегкая, но он с ней успешно справляется. Он показывает, как мнимые благодетели народа — демагоги — обманывают Филоклеона и ему подобных. Реальная власть находится в руках политиков, которые играют судьями, натравливают их на собственных врагов, а сами между делом набивают себе карманы. Он предлагает вычислить сумму доходов Афинского государства, подсчитав и взносы, поступающие от союзников, и таможенные пошлины, и доходы с рынков, рудников, пристаней, аренды, аукционов, и получает в итоге 2000 талантов (655–660). Из этой суммы в год на «зарплату» 6000 судьям уходит лишь 150 талантов.

Бделиклеон, конечно, лукавит и примитивизирует финансовую систему Афин: огромные средства шли на войну, на содержание флота, строительные работы, немало затрат требовало управление таким огромным полисом, как Афины. Но цель достигнута: хор убежден аргументами Бделиклеона, и даже вроде бы Филоклеон ими тронут, но судебная лихорадка не покидает беднягу и он рвется теперь судить Клеона за лихоимство. Тогда Бделиклеон, чтобы утолить этот зуд, предлагает отцу устроить домашний суд. Вносятся все необходимые аксессуары: кружки в качестве урн для го-

лосования; горшок, выполняющий роль клепсидры (водяных часов); петух, дабы будить Филоклеона, когда он уснет, слушая защиту. Вводят и обвиняемого — пса Лабета, укравшего на кухне сицилийский сыр, и начинается одна из самых комических сцен пьесы — прямая пародия на заседание афинского суда.

Председательствующий (Бделиклеон) оглашает текст жалобы, которую приносит другой пес — из дема Кидафин (откуда родом Клеон): *«Эксонский пес Лабет меня обидел тем, что сицилийский сыр он съел один. Карать ремнем смоковничным»*⁶ (895–896).

Causa canina представляет собой не только пародию на афинское судопроизводство, но и сатиру на конфликт между демагогом Клеоном и полководцем Лахетом (родом, как и пес Лабет, из Эксонского дема) и проливает свет на некоторые детали тогдашней политической борьбы в Афинах. О Лахете известно, что он в 427 году до н. э. с небольшим отрядом отправился в Сицилию и вел там операции против Сиракуз и других городов без заметного успеха, но и без очевидного поражения. Весной 425 года он был отозван в Афины (Thuc., III, 86–115). В 423 году Лахет предложил заключить со спартамцами перемирие на год, а в 421 году был главным сторонником Никия при заключении известного мира (Thuc., V, 43). В 418 году, будучи стратегом, он погиб в сражении при Мантинее (Thuc., V, 61; 74). «Осы» указывают на несомненную вражду, существовавшую между Клеоном и Лахетом. Вероятно, Клеон хотел привлечь (или привлечь) стратега к суду по обвинению в растрате денег («украл сицилийский сыр» — 896)⁷.

В сцене собачьего суда Аристофан блестяще (прежде всего через поведение и реплики Филоклеона) показывает два главных порока афинских судов — предвзятость и безответственность. Еще

до того, как стороны появились, старик решает, что обвиняемый будет осужден (893); он «прочитывает» вину Лабета по его физиономии (*«смотрит воровски»* — 900); он верит во все, что сказано против ответчика, и не верит в то, что говорится «за». Подвергаются критике и мотивы обвинителей к подаче жалоб: речь кидафинского пса показывает, что он движим не патриотизмом, а эгоистической досадой на то, что Лабетка *«съел один»* (μόνος κατήσθιεν — 896). Но лучшее в этой сатире — речь в защиту обвиняемого, которую произносит Бделиклеон, ибо сам Лабет говорить в свою защиту не может (или не хочет). В ней осмеиваются все трюки, которыми пользовались ответчики или защитники в своих речах: упоминание о прошлых заслугах перед государством (*«он славный, добрый пес, волков гоняет прочь ... огромным стадом он умеет управлять... грызется за тебя, у двери сторожит»* — 952–959); совершенно не связанное с делом извинение (*«кифарой не владеет он»* — 959); встречная атака на обвинителя (*«отбросы разные Лабетка должен жрать — А этот [указывая на Кидафинца] годен лишь жилище сторожить, лежать в дверях, следить, что в дом к тебе несут, и долю требовать, — а не дадут — кусать»* — 970–972); наконец, попытки разжалобить судей (*«о, сжался, милый мой, над горемычным псом»* — 967), кульминация которых — появление рыдающих детей (щенят) (975–978).

Любопытно, что защитник не сомневается в вине ответчика, «усицилившего»⁸ сыр, как, видимо, и сам Аристофан в вине «настоящего» Лахета (958, ср. 836–838). Современный адвокат едва ли отважился бы дать понять, что он считает своего подзащитного виновным (если, конечно, тот не «взят с поличным»); современный судья вынужден был бы признать обвиняемого виновным, если

бы он счел доказанным сам факт воровства. Но, судя по нашему источнику, в Афинах, если судья полагал, что человек совершил преступление, но по каким-то причинам заслуживает снисхождения, «правильное поведение» в таком случае — оправдать ответчика. Поэтому Бделиклеон, перечисляя достоинства обвиняемого и призывая суд к милости, замечает: «*А украл немножечко, так ты прости!*» (958–959).

Филоклеон, на которого произвела впечатление защита, проявляет некоторые признаки сострадания — слезы наворачиваются на глаза, — но все же он намерен осудить несчастного пса. Тогда Бделиклеон обманным путем (закружив отца) показывает ему не на ту урну, и, вместо того, чтобы опустить камешек в урну для обвинения, Филоклеон опускает его в урну для оправдания. Узнав, что оправдал подсудимого, он падает в обморок, а очнувшись, заявляет, что ему незачем больше жить. Бделиклеон, утешая, рисует ему заманчивые перспективы будущей жизни: «*Везде водить тебя я буду на пиры, на зрелища с собой, остаток жизни ты приятно проведешь*» (1003–1005). В заключительной части комедии старик отправляется на пир: в светскую жизнь он бросается с таким же пылом и энтузиазмом, как раньше в судебскую.

Таково содержание пьесы и некоторые соображения, которые приходят на ум по мере ее прочтения. Теперь более подробно о том, какими предстают перед нами народные судьи и вообще суд в данной комедии и других пьесах Аристофана.

Состав гелиэи — 6 тыс. человек (662), количество дней заседаний — 300. Последняя цифра получается из подсчетов Бделиклеона (663), если исходить из того, что 6 тыс. судей получают в год 150 талантов, и за дни, когда они не заседают, им не следует оплата.

Отсюда понятно, что суды не заседали в дни, когда проводилось народное собрание (40 дней) и по большим праздникам. Видимо, Бделиклеон приводит максимально возможную цифру, и вовсе не обязательно, что все судьи работали столько дней в году. Гелиасты не знали до того, как дойдут до суда, будет ли в этот день заседание или нет.

Заседание начиналось утром. При входе в суд у деревянной решетки или перегородки гелиастов ожидали заискивающие перед ними участники тяжбы (552–558). Прибывающие судьи старались занять места получше — первую, т. е. ближайшую к ораторам и урнам, скамью. В комедии упоминается всё судебное «снаряжение»: клепсидра, урны, кружки для голосования (οἱ κἀδίσκοι) с коническим верхом типа воронки (ὁ κημός) из плетенки, куда опускали баллотировочные камешки (αἱ ψῆφοι) или раковины (αἱ χοίρινα), а также камень для подсчета голосов. В начале заседания фесмофет провозглашал: «Если кто из судей за дверьми, пусть войдет!» (εἴ τις θύρασιν ἡλιαστής, εἰσίτω — 891). С этой фразы начиналось слушание; далее, после подачи сигнала о начале дела, опоздавших не пускали (892); заветные три оболы им не платили (689–690; Eccl., 381–382).

Вызывались стороны, вносились и зачитывалась жалоба или обвинительный акт (γραφή). Затем следовало выступление обвинителя, по окончании которого председательствующий вызывал свидетелей ответчика, чьи показания чередовались с защитной речью; с этого же момента в ход шли все ухищрения, призванные разжалобить судей (Vesp., 562–574, 578–582). Искусную речь Бделиклеона — собачьего адвоката — его отец прерывает возгласом Κατάβα! (979 — т. е. «сходи!» в смысле «кончай, завершай!») — видимо, таким образом афинские судьи выражали свое нежелание больше слушать выступающего.

Было две урны для голосования: одна — для оправдания, другая — для обвинения. Судьи проходили мимо них и могли при желании опускать руки в обе урны, так что никто не мог понять, куда именно они опустили свой голос (Lexicon Rhetoricum Cantabrigiense, s. v. (κ)μός)⁹. Камешки или раковины для голосования мог выдавать архонт, а могли приносить из дома сами гелиасты. Так, Филоклеон держал у себя целую кучу раковин — «боясь, что камешков не хватит на суде, он берег у себя морской в дому завел» (109–110 — пер. Н. Корнилова). После окончания голосования ψῆφοι (или χοίρινα) высыпались на специальный камень и считались (332–333, 993). За многие правонарушения наказание не было определено и решалось в индивидуальном порядке. Истец называл предполагаемый штраф, а ответчик или защитник приводил приемлемую для них сумму. Если судья соглашался с последней (т. е. минимальной) суммой, он ставил на восковой табличке (πινακίον τιμητικόν) короткую черту, если желал максимальную, то — длинную¹⁰. Во время разбирательства судьи не могли уходить и, очевидно, испытывали определенные неудобства, если дело затягивалось. Деньги за участие в заседании (вожделенные три обола) раздавал специальный чиновник — колакрет (695), отсюда — выражение «молоко колакрета» (κωλακρέτου γάλα — 724).

Какие же дела разбирают гелиасты? Если судить по комедиям Аристофана, им чуть ли не постоянно приходится иметь дело с обвинениями в государственных преступлениях (измена на войне, растрата казенных денег, стремление к тирании, к ниспровержению существующего строя, участие в заговоре), большинство из которых совершенно безосновательны — Vesp., 417, 463–507, 555–556, 953; Aves, 1074; Lys.,

619, 630; Thesm., 338, 1143). Бедняга Бделиклеон, на которого набрасываются судьи, приятели его отца, с криком «враг народа», «приверженец монархии» (μοναρχίας ἔραστα — 473), отбиваясь, говорит: у вас всякий тиран или заговорщик (ἄπανθ' ὑμῖν τυραννίς ἐστὶ καὶ ξύνωμότα — 488).

Очевидным образом прослеживается тенденция афинской жизни, характерная особенно для времен Пелопоннесской войны и засвидетельствованная и другими источниками (Thuc., VI, 27; 28; 60; And., I, 36): при любом удобном случае обвинять политиков (и не только!) в заговоре для ниспровержения демократии или в намерении установить тиранию. В числе дел, рассматриваемых судьями, в «Осах» упоминаются также дела, связанные с докимасией юношей (588) и пересмотром завещаний (582–586).

Теперь взглянем пристальней в тех, кто вершит суд. Филоклеон, главный герой «Ос», он же пламенный присяжный, одевается бедно, носит короткий потертый плащ τριβώμιον (116, 1123–1126, 1131), обувается в башмаки ἐμβάδες (103, 275), которых, кажется, у него одна пара¹¹. Очевидная бедность Филоклеона — явное сюжетное несоответствие (каких немало в пьесах Аристофана): ведь судья по всему, его сын, Бделиклеон, — человек достаточно состоятельный. Отчасти таким же сюжетным несоответствием оказывается пресловутая старческая дряхлость нашего героя. В ст. 165 Филоклеон норовит перегрызть удерживающую его дома сеть, а раб Ксанфий напоминает ему, что он давно без зубов. Но в дальнейшем по ходу действия зубы у старика чудодейственным образом вырастают и в ст. 367–371 он-таки перегрызает сеть. Лихость и юношеский задор Филоклеон демонстрирует в последних сценах «Ос», когда он кутит, буянит и ввязывается в драки с прохожими.

В пору одержимости «судебной горячкой» мысли Филоклеона всегда были только об одном — об осуждении обвиняемых. Он испытывает стойкое отвращение к оправдательным приговорам. Удерживаемый сыном, он рвется вон, чтоб не ушел оправданным некий Драконтид, а на вопрос сына «тебе какое дело?», — отвечает: «Так знайте ж, прорицание дано мне в Дельфах, если оправдаю я хоть одного, иссохну щепкой сохлюю» (158–160). Все его помыслы связаны с судом, суд для него — дом родной, там он хочет быть постоянно (752). Бделиклеон называет эту тягу «любовью к своему месту» (φιλοχορία — 834). Старика неудержимо тянет туда, где можно безнаказанно вредить — «сделать что-нибудь злое» (κακόν τι ποιῆσαι — 322). Интересно, что даже когда Филоклеон оставляет судейство в заключительной части пьесы, творить безнаказанно вред и бесчинство остается его главной радостью (1263, 1335–1340)¹². К мольбам подсудимых он глух, его разжалобить — все равно, что закипятить камень (277–280); более того, просьбы, заклинанья, плач лишь веселят его (389–390). Когда он определяет наказание, то делает это по максимуму — «всех наказать он рад чертою длиною» (106), поэтому у него вечно воск под ногтями (108).

Под стать Филоклеону его товарищи-судьи. Одолеваемые все той же судебной горячкой, они встают еще до зари, поэтому идут с фонарями (улицы темны и грязны) и распевают песни своей молодости (220). Возраст их весьма почтенен, раз они ровесники и остатки того поколения, которое участвовало в греко-персидских войнах¹³. Они бедны: с маслом в фонарях очень экономны и, когда мальчик, светящий им, неосторожно выжимает пальцем фитиль, они бьют его, так как масло дорого стоит (251–253). Заработок судьи для них — глав-

ный источник средств к существованию (300–310; также Acharn., 460–461). Предводитель хора, обращаясь к сыну, говорит: «Из того, сын, что сегодня получу, на троих нам надо хлеба, надо щепок, надо мяса» (300–304). Их любимец, заступник и кормилец — Клеон, который поднял им оплату до трех оболов за заседание (Equit., 255–256). Он снабжает их работой, поставляя обвиняемых, да еще дает в запас на трое суток (как солдатский паек) «едкой злости» (ἡμερών ὀργῆν τριῶν ποιῆσαι — Vesp., 242–243). Клеон и подобные ему демагоги покорили судей (а в их лице — и весь афинский народ) лестью, вниманием и услужливостью (596–601). Именно Клеона и товарищей-судей призывает на защиту против домочадцев, тащащих его в дом, Филоклеон (197); к нему взывают судьи (409), собираясь пожаловаться на Бделиклеона, который якобы хочет прогнать их и закрыть суды (410–412). Кажется, вот-вот драматург выведет на сцену самого демагога, как это было во «Всадниках». Но наши (и зрителей) ожидания напрасны: Клеон действительно появится, но ... в виде собаки в сцене собачьего суда.

Таким образом, вырисовывается следующая малоприятная для афинского судопроизводства картина. Судят в Афинах по преимуществу дряхлые старики, не способные к трудовой жизни, и занимаются они этим не из-за гражданского долга или соображений престижа и достоинства, а чтобы заработать себе на пропитание. Заседая в суде, они дают выход своей немощной злобе, ибо, помимо платы, их привлекает сознание того, что от них зависит судьба подсудимого, нередко человека богатого, знатного (552, 576). Дать почувствовать такому человеку власть доставляет гелиасту огромное наслаждение (552–558). Он упивается просьбами и мольбами участников тяжбы (560–572); не

краснея, он хвастается тем, что может, так сказать, злоупотреблять своим положением, когда тяжущиеся начинают его всячески ублажать и развлекать (560–582). Неподотчетность (судьи — ἀνυπεύθυνοι — 587) и вытекающая отсюда безнаказанность рождает у судей ощущение вседозволенности и могущества, равного божественному (619–625).

Гелиасты предпочитают в любом случае выносить обвинительные приговоры. Дикеаполь в «Ахарнях» свидетельствует: *«И стариков я знаю нравы жесткие, для них одна потеха — засудить врага»* (374–375). Особо яркое тому свидетельство — пример Филоклеона и его товарищей. Старики-судьи, бредущие спозаранку, сокрушаются, что вчера не удалось осудить одного самосца, обвиненного в заговоре, — он «ускользнул» (διέδύετ') — и предполагают, что этот факт мог расстроить Филоклеона до горячки (Vesp., 283–284). Теперь же они в хорошем настроении и призывают приободриться и Филоклеона: день обещает быть удачным, ибо сегодня они будут судить «мешок с деньгами» (букв. «улей» — σίμβλος χρημάτων) Лахета (241) и еще одного толстосума (ἀνὴρ παχὺς из фракийских предателей (287–289). В подобных делах судьи руководствовались не только злобой и завистью к богатым, но, видимо, и вполне меркантильными соображениями. На это указывает реплика Колбасника во «Всадниках», спрашивающего Демос, как он поступит с тем оратором, который скажет ему: *«Не будет, судьи, хлеба вам, коль обвинением дела не закончите!»* (1358–1359).

Прежде чем делать окончательный вывод о ценности и достоверности рисуемой Аристофаном картины народного суда, следует сказать несколько слов по поводу ведущейся в историографии дискуссии на тему: какие политические взгляды выражал комедиограф и в какой

мере они повлияли на изображение им афинской действительности. Со времен выхода в свет книги М. Круазе «Аристофан и партии в Афинах» стало преобладать мнение о том, что Аристофан не был оппозиционером демократии, но был врагом демагогов. Комедиограф занимал среднюю позицию: он придерживался умеренно-демократических или, если угодно, консервативных воззрений, характерных для поколения «марафонских бойцов» и аттического крестьянства, которые равно отвергали и олигархические, и демократические крайности¹⁴. Поэт был приверженцем доперикловой демократии («отеческого государственного строя»), которая в эпоху Пелопоннесской войны воспринималась как идеальная.

Схожим образом высказывались по данной проблеме и другие исследователи¹⁵. Э. Гомм, правда, иронизировал на счет сторонников этой концепции: «A good, comfortable, essentially British position»¹⁶. Если в литературе XIX века попадались утверждения об аристократических убеждениях Аристофана, то в современной историографии подобная позиция маргинальна¹⁷. Её смягченный вариант встречается у Ж. Сен-Круа, который, указывая на вхожесть Аристофана в некие высшие круги афинского общества, считает, что поэт выражал пришедшие им консервативные (не олигархические!) взгляды¹⁸.

Модернизированная версия о консервативных воззрениях Аристофана представлена в рамках нового дискурса об «элитах» и «массах», вошедшего в моду с легкой руки Дж. Обера¹⁹: комические поэты, симпатизируя взглядам меньшинства — элиты, вынуждены были «адаптировать» их, делать привлекательными для большинства, подстраиваясь под официальную идеологию, т. е. идеологию державного демоса²⁰.

Что касается Э. Гомма, то сам британский ученый полагал: не следует преувеличивать политическую тенденциозность Аристофана; каковы бы ни были его политические взгляды (а они у него, конечно, были), он достигает своей цели как художник и дает «аккуратную картину афинской политики в его время»²¹. Напротив, о несерьезности рисуемой Аристофаном-шутником картины афинской жизни рассуждал Ю. Шмидт²². Словацкий историк М. Окал считал, что поэт стоял на позициях аттического крестьянства и слишком зависел от мнения последнего, а на него в свою очередь велико было влияние местных олигархов. Следует избирательно подходить к его свидетельствам, а картина афинской действительности, вышедшая из-под пера, в общем неверна²³. Еще более решительно идет вперед в обсуждении проблемы соотношения действительности и ее изображения у Аристофана М. Хит. Комедиограф зачастую изображает общественную жизнь в Афинах не просто «в черном свете», а совершенно безумной. Но на самом деле он так не думал; все это — комическое преувеличение, призванное развлечь публику, заставить её смеяться²⁴.

Проблема определения политических пристрастий Аристофана и их влияния на его творчество преломляется в контексте нашего сюжета следующим образом: как рассматривать изображение гелиэи в «Осах» и других комедиях — как подлинную картину судебных нравов или как карикатуру, и если — в качестве карикатуры, то последнее — как она соотносится с действительностью и с какой целью Аристофан создал эту карикатуру. Первую позицию напрямую отстаивать не решается никто из исследователей²⁵, а вот по поводу второй и вытекающих из нее вопросов существуют различные мнени-

ния и оттенки мнений. Вот несколько характерных точек зрения.

Российский дореволюционный классицист А. М. Ловягин, посвятивший «Осам» несколько очерков в журнале «Гермес», полагал, что эта комедия — злая карикатура, искажающая действительность. И это не единственный пример искажения исторической правды: будь Аристофан нашим единственным источником, какое бы представление было у нас о Перикле и Сократе — вопрошает автор статьи. Достоверны лишь некоторые технические моменты судебного заседания. Все остальное — преувеличение: и состав судей из одних только стариков, и их склонность к карающим приговорам, не говоря уж об их смехотворных сборах в суд²⁶. Осторожно-скептическую позицию занимал и Э. Ланге. Он считал, что афинское судопроизводство не было столь скверно, как в этом пытается убедить нас поэт: уровень образования у афинских граждан был высок; они неплохо разбирались в юридических вопросах²⁷. Современный немецкий филолог Л. Ленц убежден в том, что комическое «дионисийское» начало преобладает в «Осах», а во второй части, бесспорно, доминирует: Аристофан-критик подчинен Аристофану-комику; бурлеск призван был веселить зрителей, а не утомлять их политическими намеками²⁸.

Английский исследователь К. Довер, хоть и считает, что кое-какие детали афинского судопроизводства нашли отражение в комедии (в частности, предвзятость и неподотчетность судей), полагает, что с образом главного героя автор явно переборщил. Разгадка «ненормальной» безжалостности Филоклеона, его глухоты к мольбам и глумления над просящими — в его имени. Он такой скверный не потому, что все афинские судьи были так беспощадны и непорядочны, а потому что «любит Клеона», а

этот демагог взывает к худшему в людях, и его сторонники должны быть людьми без чести и совести. Что касается задачи, которую ставил перед собой Аристофан, то комедиограф не только не призывает к уничтожению судов (в том виде, как они предстают в комедии), он даже не подразумевает каких-либо принципиальных усовершенствований в их наборе, составе, компетенции; общий подтекст пьесы — морализаторство, а не политика²⁹.

Подведем некоторые итоги. Наша собственная позиция близка к той средней, на наш взгляд, взвешенной точке зрения, которой придерживались многие исследователи³⁰. «Осы» и замечания об афинском суде и судьях в других комедиях — бесспорно, карикатура, и местами — весьма злая. Наверное, не все гелиасты были так злобны и мелочны, не все были нищими дряхлыми старцами. У того же Аристофана упоминается в «Облаках», что Стрепсиад был судьей, когда его сыну было 6 лет, т. е. в достаточно молодом возрасте (863–864), да и у предводителя хора в «Осах» сын — мальчик, что как-то не вяжется с престарелым возрастом славных ветеранов греко-персидских войн. Впрочем, перевес в составе гелиастов вполне возможно был на стороне людей пожилых, свободных от воинской службы, особенно во времена Пелопоннесской войны, когда многие граждане «призывного» возраста (т. е. до 60 лет) находились во флоте или в армии. Судейское жалование этих стариков, на чьем благосостоянии не могли не сказаться тяготы войны, становилось своеобразной пенсией по старости³¹. Граждане состоятельные, деловые люди, процветающие ремесленники едва ли стали бы тратить свое время на выслушивание бесконечных кляуз тяжущихся. Но преувеличивая, осмеивая, пародируя, Аристофан подмечал действительно существующие

черты как в облике и характере гелиастов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, так и в афинском судопроизводстве в целом, имеющем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров. Утверждения некоторых исследователей о серьезном искажении действительности у Аристофана, вплоть до откровенной лжи, скорее всего, несправедливы. Карикатура должна была иметь сходство с оригиналом: если бы в своей насмешке и пародии комедиограф не заходил слишком далеко за пределы реальности в мир фантазии и сидящие на скамьях зрители не узнавали бы в героях, выведенных на сцене, своих соседей, родственников, самих себя, комедия не производила бы желанного эффекта и едва ли пользовалась бы такой популярностью.

Аристофан, конечно, не был ниспровергателем устоев. Он никогда всерьез не помышлял о закрытии судов, хоть и восклицает его герой Колбасник во «Всадниках»: «...прекратите допросы и тяжбы! Пусть закроют суды, что Народ возлюбил» (1316–1317). Но и утверждать, как К. Довер, что поэт не хотел исправить их недостатки, а желал лишь улучшить нравы, нам представляется неверным. Его едкая сатира на гелиэю должна была не только рождать смех у зрителей, но и обращать их внимание на очевидные и малопривлекательные изъяны афинского судопроизводства. Преобладание «черной краски» в изображении народного суда могло иметь и превентивный характер. Драматург как бы предостерегал соотечественников: смотрите, какие безобразия творятся в судах и что может из этого произойти, если дать этим тенденциям развиваться³².

Комедия Аристофана, как уже было сказано, — единственный источник, который дает нам детальное описание гелиэи V в. до н. э. По этой великолепной сатире, мастерской карикатуре на дейст-

вительность мы можем представить себе, какой эта действительность была, можем воссоздать целый ряд черт, характерных особенностей и народного суда, и судей, и восприятия их в афинском обществе. Благодаря тому, что Древняя комедия была политической и злободневной, мы можем реконструи-

ровать по ней с той или иной степенью достоверности афинскую реальность. Нам никогда не удалось бы добиться такого результата по Новой комедии — это все равно что восстанавливать современную жизнь по голливудским фильмам или латиноамериканским сериалам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афинская гелиэя делилась на десять судебных палат — дикастериев, поэтому народные судьи назывались как гелиастами, так и дикастами.

² Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — перевод Адриана Пиотровского. (Аристофан. Комедии: Фрагменты / Пер. Адр. Пиотровского. Изд. подгот. В. Н. Ярхо. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 2000.) В круглых скобках при ссылках на цитаты и пьесы Аристофана дается номер стиха в тексте автора.

³ Клеон — известный афинский демагог, лидер радикальной демократии, выдвинувшийся после смерти Перикла. Аристофан еще раньше (в 424 г.) высмеял его в своей комедии «Всадники».

⁴ Так в переводе Адриана Пиотровского.

⁵ См.: Гусейнов Г. Аристофан. М., 1988. С. 130.

⁶ Здесь и далее в сцене собачьего суда — перевод Н. Корнилова под редакцией В. Ярхо.

⁷ По мнению Д. МакДауэлла, этот процесс так и не состоялся (*MacDowell D. M. / Aristophanes. Wasps. Oxford, 1976. P. 249*). Р. Бауман полагает, что он имел место, но Лахет был оправдан (*Bauman R. Political Trials in Ancient Greece. L.; N.-Y., 1990. P. 57*).

⁸ Как утверждает раб Ксанфий, Лабет утащил сыр в угол и «усицилил» (κατεσικέλιζε — 911) его там.

⁹ См.: *MacDowell D. M. / Aristophanes. Wasps. P. 143*.

¹⁰ См.: *Leeuwen J. van. Prolegomena / Aristophanis Vespae. Lugduni, 1893. P. 17*.

¹¹ См. *Ловягин А. М. Очерки древнеафинского суда // Гермес. Т. 6. 1910. С. 195*.

¹² См.: *Sommerstein A. H. Notes on Aristophanes' Wasps // ClQu. Vol. 27. 1977. P. 270*.

¹³ О старческом возрасте судей см. также указания во «Всадниках» (979 — «старики-ворчуны» и «Ахарнянах» («старцы дряхлые», шамкающие зубами — 671–691).

¹⁴ *Croiset M. Aristophane et les partis à Athènes. Paris, 1906. P. 41, 44*.

¹⁵ См., например: *Бузескул В. П. История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 307; Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 87–88; Ehrenberg V. The People of Aristophanes. Cambridge Mass., 1951. P. 48; Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 170*.

¹⁶ *Gomme A. W. Aristophanes and Politics // More Essays in Greek History and Literature. Oxford, 1962. P. 72*.

¹⁷ Современный радикальный вариант этой позиции представлен экстравагантными высказываниями Х. Туманса в его монографии «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.)». СПб., 2002: комедиограф осуждает *всю* (sic! — курсив наш — Т. К.) афинскую политическую систему, считает демократию негодным политическим строем и предлагает ему альтернативу — аристократическую республику (с. 471–472).

¹⁸ См.: *Ste. Croix G. E. M., de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 358–361, 371*. О связях Аристофана с завсегдатаями аристократических фиасов см. также: *Dow S. Some Athenians in Aristophanes // AJAH. V. 73. 1969. P. 234–235*.

¹⁹ *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology and Power of the People. Princeton, 1989*.

²⁰ См.: *Henderson J. The Demos in the Comic Competition // Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context / Ed. by J. J. Winkler and F. I. Zeitlin. Princeton, 1990. P. 274, 284, 313; Christ M. R. The Litigious Athenian. P. 104–105*.

²¹ *Gomme A. W.* Aristophanes and Politics. P. 89.

²² См.: *Schmidt J.* Aristophanes und Euripides. Greifswald, 1940. Сходным образом, а именно о том, что единственной целью поэта было развлечь зрителей, высказывался Вилламовиц: *Wilamowitz-Möllendorff U.* Aristoteles und Athen. В., 1931. S. 35.

²³ *Okál M.* Problémy Aténskej demokracie a Aristofanes. Bratislava, 1969. P. 458.

²⁴ *Heath M.* Political Comedy in Aristophanes. Göttingen, 1987. P. 22–23.

²⁵ Косвенно — Гомм, утверждая вообще достоверность изображаемого Аристофаном. См.: *Gomme A. W.* Aristophanes and Politics. P. 70–91.

²⁶ См.: *Ловягин А. М.* Очерки древнеафинского суда. С. 194, 223.

²⁷ См. *Ланге Э.* Афины в зеркале аристофановской комедии // История Греции со времен Пелопоннесской войны: Сб. статей / Пер. под ред. Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевского. М., 1896. Т. I. С. 117–118, 124.

²⁸ См.: *Lenz L.* Komik und Kritik in Aristophanes «Wespen» // *Hermes.* Bd. 108. Ht. 1. 1980. S. 15–44, *passim.*

²⁹ См.: *Dover K. J.* Aristophanic Comedy. Berkeley and Los Angeles, 1972. P. 129–131.

³⁰ См. к примеру: *Бузескул В. П.* История Афинской демократии. С. 295–296; *Соболевский С. И.* Аристофан и его время. С. 87; *Сахненко Л. А.* Аристофан и Афинская демократия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 20 — общий вывод об отражении афинской действительности в комедии Аристофана; *Croiset M.* Aristophane et les parties à Athènes. P. 162; *Lofberg O.* Sycophancy in Athens. P. 18; *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. P. 9, 37 (о соотношении комедии Аристофана и афинской реальности вообще), 53 (суд и афинская демократия в целом не являются объектом атаки поэта); *MacDowell D. M.* / Aristophanes. Wasps. P. 2–4.

³¹ См.: *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece. L., 1972. P. 120; *MacDowell D. M.* / Aristophanes. Wasps. P. 2.

³² Такое предположение высказал МакДауэлл (*Aristophanes. Wasps.* P. 4.).